

DOI 10.18522/2500-3224-2026-2-146-160

УДК 94(470)

ЗАКРЫВШЕЕСЯ «ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ»: ПРОЕКТЫ ПЕРЕНЕСЕНИЯ МОЩЕЙ ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ В 1860-е ГОДЫ

Короневский Виктор Ильич

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

iliich2000@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия между администрацией Северо-Западного края и местными сообществами в условиях потрясений и преобразований 1860-х гг. На основании обращения к малоисследованному сюжету о попытках представителей Полоцкой епархии добиться перенесения мощей местной святой Евфросинии Полоцкой из Киева рассматриваются возможности, которые в условиях переустройства края при М.Н. Муравьеве и его ближайших преемниках могли открыться перед православным населением региона. Исследование преимущественно основано на документах РГИА (фонды Канцелярии Синода, Канцелярии обер-прокурора Синода, Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД), ГАРФ (фонд Третьего отделения), Отделов рукописей РНБ (фонды П.Н. и С.Н. Батюшковых, В.Ф. Ратча, И.П. Корнилова, Н.Н. Новикова) и РГБ (фонд архиепископа Саввы Тихомирова), а также на материалах периодической печати («День», «Вестник Западной России» и др.). Делается вывод о том, что период управления Северо-Западным краем М.Н. Муравьевым, К.П. Кауфманом и Э.Т. Барановым стал временем, когда стремление почитателей Евфросинии Полоцкой оказалось полностью созвучно правительственному курсу в регионе, что дало шанс и властям, и местным православным энтузиастам разрешить вопрос к взаимной пользе.

Ключевые слова: Полоцк, Евфросиния Полоцкая, мощи, М.Н. Муравьев, К.А. Говорский, Г.Д. Колокольцов, А.Л. Потапов, православие, Российская империя, Северо-Западный край, Андрей Боболя, Иосафат Кунцевич.

THE CLOSED “WINDOW OF OPPORTUNITY”: PROJECTS OF THE TRANSFER OF ST EUPHROSYNE OF POLOTSK’S RELICS AND THE STATE’S POLITICS IN THE NORTH- WESTERN REGION IN 1860s

Koronevskii Viktor I.

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
iliich2000@mail.ru

Abstract. The article examines the interactions between the administration of the North-Western Region and local communities during the upheavals and transformations of the 1860s. By examining the understudied case of the Polotsk Diocese community attempting to transfer the relics of the local saint, Euphrosyne of Polotsk, from Kyiv, it explores the opportunities that might have opened up for Orthodox society in the region during the reorganization of the region under M.N. Muravyov and his successors. The study is based on documents from the Russian State Historical Archives (the collections of the Chancellery of the Synod, the Chancellery of the Chief Procurator of the Synod, the Department of Spiritual Affairs of Foreign Faiths of the Ministry of Internal Affairs), the State Archives of the Russian Federation (the collections of the Third Section), the Manuscript Departments of the Russian National Library (the collections of P.N. and S.N. Batyushkovs, V.F. Ratch, I.P. Kornilov, N.N. Novikov) and the Russian State Library (the collection of Archbishop Savva Tikhomirov), as well as materials from periodicals (“Den’”, “Vestnik Zapadnoi Ros-sii”, etc.). It is concluded that the period when M.N. Muravyov, K.P. Kaufman, and E.T. Baranov governed the North-Western Region was a time when the desires of local devotees of St. Euphrosyne of Polotsk were fully aligned with the government’s policies in the region, providing both the authorities and local Orthodox enthusiasts with an opportunity to resolve the issue to their mutual benefit.

Keywords: Polotsk, Euphrosyne of Polotsk, relics, M.N. Muravyov, K.A. Govorskii, G.D. Kolokoltsov, A.L. Potapov, Orthodoxy, Russian Empire, North-Western Region, Andrew Bobola, Josaphat Kuntsevich.

Цитирование: Короневский В.И. Закрывшееся «окно возможностей»: проекты перенесения мощей Евфросинии Полоцкой и правительственная политика в Северо-Западном крае в 1860-е годы // Новое прошлое / The New Past. 2026. № 2. С. 146–160. DOI 10.18522/2500-3224-2026-146-160 / Koronevskii V.I. The Closed “Window of Opportunity”: Projects of the Transfer of St Euphrosyne of Polotsk’s Relics and the State’s Politics in the North-Western Region in 1860s, in Novoe Proshloe / The New Past. 2026. No. 2. Pp. 146–160. DOI 10.18522/2500-3224-2026-146-160.

© Короневский В.И., 2026

В исторической литературе последних десятилетий подробно изучены различные аспекты политики Российской империи в Северо-Западном крае в эпоху «Великих реформ» и в первую очередь меры, направленные на решение остро стоявшего «польского вопроса» [Долбилов, 2010; Комзолова, 2005; Сталюнас, 2022; Weeks, 1996]. Наряду с правительственными мероприятиями, полностью или частично воплощенными в жизнь местной администрацией, внимание исследователей привлекали и различные инициативы, обсуждавшиеся в кругах виленской или петербургской бюрократии, но по тем или иным причинам оставшиеся нереализованными [Долбилов, Сталюнас, 2010]. При этом, несмотря на значительный интерес к конфессиональной составляющей российской политики в Северо-Западном крае, за отдельными исключениями [Долбилов, 2010, с. 331–345; Любезников, 2024] предметом специального исследования не становились попытки властей воздействовать на этноконфессиональный облик региона при помощи использования местных святынь (икон, мощей, святых мест), популяризируя и поощряя почитание одних и дискредитируя или ликвидируя другие.

Один из ключевых сюжетов подобного рода связан с проектами перенесения мощей преподобной Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк. Хотя вопрос о перенесении был поставлен еще в 1830-е гг., а окончательно разрешен только в 1910 г., обращение к истории его обсуждения в 1860-е гг. позволяет предпринять попытку ответить на два вопроса. Во-первых, как в условиях потрясений и преобразований 1860-х гг. представители администрации Северо-Западного края и лица, не имевшие официальных постов, но оказывавшие влияние на формирование правительственного курса, считали возможным использовать для достижения целей государственной политики в регионе попытки местных жителей заполучить значимую для них святыню? Во-вторых, какое значение для самих почитателей святой, пытавшихся добиться перенесения ее мощей в родной город, имели изменения, привнесенные в жизнь Северо-Западного края М.Н. Муравьевым и его ближайшими преемниками?

Согласно традиционной точке зрения, мощи Евфросинии — полоцкой княжны, основавшей неподалеку от Полоцка Спасский (Спасо-Евфросиниевский) монастырь и большую часть жизни являвшейся его игуменией, — еще в конце XII в. были перевезены в Киев из Иерусалима, где святая скончалась во время паломничества. Сведений о каких-либо попытках добиться перенесения мощей святой из Киева вплоть до 1830-х гг. известные источники не содержат.

Однако начиная с 1832 г. с идеей перенесения реликвии в Полоцк неоднократно выступали православные архиереи, управлявшие епархиями, в составе которых находился родной город святой. Желательность перенесения в переписке с представителями высшего церковного управления утверждали Могилевский и Витебский архиепископ Гавриил (Городков) в 1832 г. и Полоцкий и Виленский епископ Смарагд (Крыжановский) в 1833 г., а в 1840 и 1852 гг. соответствующие ходатайства в Синод направлял Полоцкий и Витебский архиепископ Василий (Лужинский), пользовавшийся поддержкой директора обер-прокурорской канцелярии

К.С. Сербиновича, весьма влиятельного при Н.А. Протасове [Фирсов, 2021, с. 370–371, 418]. Каждый из епископов видел в потенциальной передаче реликвии средство утверждения в православии местного униатского или же недавно присоединенного из унии населения: прибытие мощей воспринималось либо как способ поднять статус Спасо-Евфросиниевского монастыря¹ и сделать его более привлекательным для богомольцев, либо как повод для организации масштабных религиозных празднеств, благотворно воздействующих на население, либо как возможность составить конкуренцию популярным в Полоцке католическим святыням: в частности, мощам святого Андрея Боболи — иезуита, в середине XVII в. распространявшего католицизм среди населения Полесья и убитого православными казаками [РГИА, ф. 797, оп. 6, д. 22832, л. 33; РГИА, ф. 796, оп. 133, д. 323, л. 3; Георгий (Шавельский), протоиерей, 1910, с. 18–19]. Ввиду отрицательной реакции Московского митрополита Филарета (Дроздова) [Гумилев, 1868, с. 143] и Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова) [РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 345, л. 29] данные инициативы неизменно заканчивались неудачей. Они либо удостоивались осторожного ответа о неуместности перенесения мощей без прямого указания Божественной воли [Гумилев, 1868, с. 143], либо оказывались погребены в недрах Синодальной канцелярии [РГИА, ф. 796, оп. 133, д. 323, л. 5, 6].

Хотя представляется маловероятным, что прочие представители местного духовенства и миряне ничего не знали об этих инициативах, во всех упомянутых случаях в качестве просителя неизменно выступал местный архиерей, а православные жители Полоцка со своими религиозными чаяниями и чувствами, испытываемыми по отношению к Евфросинии Полоцкой, оставались в тени. Однако в 1858 г. впервые открыто заявили о своем стремлении заполучить святыню и они, направив ходатайство на имя императора. Подписавших прошение было около полутора сотен: полоцкие мещане, чиновники, преподаватели Полоцкого кадетского корпуса и др. В тексте ходатайства апелляция к борьбе с католическим влиянием или рассуждения о необходимости возвеличения монастыря отсутствовали, зато акцент делался на соответствии потенциального перенесения воле Бога и горячем желании самих полочан, которые молили Александра II возвратить им «нашу родную княжну и мать Евфросинию» [РГИА, ф. 796, оп. 133, д. 323, л. 9 об.]. Ходатайство было передано в Синод и направлено на отзыв новому Киевскому митрополиту Исидору (Никольскому) [РГИА, ф. 796, оп. 133, д. 323, л. 14]. Однако последний не спешил с подготовкой требуемого отзыва, а Синод его не торопил. Прошение 1858 г. легло под сукно так же, как и предшествующие проекты.

В целом к концу 1850-х гг. попытки представителей Полоцкой епархии добиться перенесения мощей Евфросинии Полоцкой зашли в тупик. Киевские митрополиты, пользуясь предоставленной Синодом возможностью, предпочитали не давать делу ход. Полочане же, казалось, исчерпали возможности склонить чашу весов на свою сторону. Однако именно в конце 1850-х гг. идея потенциального перенесения

¹ До возрождения обители в 1841 г. речь шла преимущественно об основанной Евфросинией Полоцкой монастырской Спасо-Преображенской церкви.

мощей Евфросинии Полоцкой получила новый импульс. Хотя до потрясений 1860-х гг. оставалось еще несколько лет и в Северо-Западном крае по-прежнему проводился «примирительный» курс генерал-губернатора В.И. Назимова [Комзолова, 2005, с. 24–29; Долбилов, 2010, с. 169–170], в условиях подготовки крестьянской реформы и актуализации проблемы национального строительства в западных губерниях уже раздавались голоса сановников, церковных иерархов и общественных деятелей, обеспокоенных перспективой окатоличивания и полонизации местного населения, и составлялись проекты, призванные устранить угрозу [Долбилов, 2010, с. 123–129, 164–168, 173–175].

В частности, комплекс мер, направленных на борьбу с распространением католицизма, содержала составленная в 1859 г. вице-директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий П.Н. Батюшковым при участии К.С. Сербиновича записка «О латинской пропаганде на западе России». В тексте записки среди прочих мероприятий, призванных противодействовать влиянию католицизма, фигурировали и меры борьбы против популярности католических святынь. Так, желательным объявлялось перенесение из Полоцка мощей Андрея Боболи либо в Пинск, где они находились до прибытия в Полоцк, либо за границу, либо «в сплошную латинскую местность (напр. Царство Польское или Жмудь)». Если же подобные меры не будут одобрены правительством, для противодействия влиянию католической религии «следовало бы разрешить полочанам перенести к ним из Киева почивающие святыне мощи преподобной Ефросиньи, княжны Полоцкой». Данное предложение, в черновом тексте написанное рукой П.Н. Батюшкова, сопровождалось дополнением К.С. Сербиновича, согласно которому «перенесение сих мощей торжественно по протяжении Западного края произвело бы благоудное действие на утверждение жителей его в Православии и ослабило бы в Белоруссии вредные впечатления, производимые самовольным чествованием памяти Боболи и Кунцевича» [ОР РНБ, ф. 52, д. 29, л. 12 об., 13 об.–14].

Таким образом, П.Н. Батюшковым и К.С. Сербиновичем давняя идея передачи останков святой Полоцку, прежде увязывавшаяся с необходимостью утверждения в православии бывших униатов Полоцкой епархии и религиозными переживаниями местного православного населения, оказалась помещена в контекст противостояния между русским православием и польским католицизмом в масштабах всего Западного края. На щит была поднята озвученная в 1852 г. в ходатайстве архиепископа Василия (Лужинского) точка зрения, согласно которой мощи преподобной Евфросинии могут стать противовесом останкам католического святого Андрея Боболи и, соответственно, препятствием к дальнейшему распространению католицизма, воспринимавшемуся в качестве угрозы русскому облику Западного края.

Записка «О латинской пропаганде на западе России» заставила Синод вернуться к обсуждению вопроса о перенесении мощей полоцкой святой. Помимо отрицательных отзывов на замысел перенесения мощей Евфросинии, оставленных митрополитом Филаретом (Дроздовым) и еще одним неустановленным архиереем [Собрание мнений и отзывов..., 1886, с. 441; РГИА, ф. 834, оп. 4., д. 693, л. 31 об.],

обширное обоснование неуместности такого мероприятия, составленное духовным собором Киево-Печерской лавры, Синоду представил Киевский митрополит Исидор (Никольский). Хотя официально отзыв киевлян был составлен в ответ на полоцкое ходатайство 1858 г., фактически в нем не только опровергались доводы просителей, призванные обосновать соответствие пребывания мощей в Полоцке воле Бога, и ставилась под сомнение важность удовлетворения религиозного желания немногочисленной группы подписавшихся, но и давался ответ на записку П.Н. Батюшкова. Киевские монахи обернули против сторонников перенесения их довод об охваченности края «латинской пропагандой»: с точки зрения Духовного собора Лавры, факт преобладания в Полоцке католицизма являлся доводом не за, а против перенесения мощей, поскольку таковое привело бы «не к приумножению, а только к умалению славы Угодницы Божией» [РГИА, ф. 796, оп. 133, д. 323, л. 20 об. – 21]. В декабре 1859 г. отзыв киевлян был рассмотрен Синодом, который встал на их сторону и постановил отклонить полоцкое ходатайство [РГИА, ф. 796, оп. 133, д. 323, л. 36 об. – 37].

Однако волнения в Польше начала 1860-х гг. и особенно восстание 1863–1864 гг. вернули на повестку дня вопрос об опасности, которую для Российской империи может представлять использование польскими повстанцами религиозной риторики и, в частности, апелляции к популярным католическим святым для мобилизации населения западных губерний [Бендин, 2017, с. 189–208]. В первую очередь это касалось Иосафата Кунцевича — униатского Полоцкого архиепископа, в 1623 г. за насаждение унии убитого православным населением Витебска. В частности, известны листовки и брошюры, в которых утверждалось, что Иосафата убили «dzicy i fanatyczne moskale» [Rodacy!], а во время Северной войны «Car Moskiewski» лично расправлялся с его почитателями [Duchiński, 1863]. Согласно статье М.О. Кояловича от 1865 г., «во время недавней смуты или, вернее, перед смутой» распространялись изображавшие Кунцевича «картинки» с подписями, согласно которым за убийство мученика было казнено 5000 витеблян [Коялович, 1865b, с. 319]. Подготовка Рима к состоявшейся в 1867 г. канонизации Иосафата, о которой в России узнали в 1863 г. [Милютин, 2003, с. 540–541], еще больше усилила опасения, связанные с популярностью его культа.

Ответной реакцией обеспокоенных ситуацией российских публицистов стала серия разоблачительных публикаций о Кунцевиче. На страницах посвященных ему статей католический святой представал в качестве «фальшивого» мученика, культ которого использовался поляками в целях антироссийской пропаганды [Говорский, 1865, с. 23–28; Канонизация Иосафата ..., 1864, с. 2; Много темных ..., 1865, с. 1]. При этом, по крайней мере некоторыми публицистами, выражавшими опасения в связи с канонизацией Кунцевича, аналогичной функцией наделялся и культ Андрея Боболи. Во-первых, данную точку зрения разделял К.А. Говорский, впервые озабогившийся популярностью Боболи еще в 1852 г. [ОР РГБ, ф. 262, карт. 48, д. 8, л. 16 об., 17 об.]. Во-вторых, он напрямую позиционировался в качестве «второго Кунцевича» в статьях М.О. Кояловича, по мнению которого Боболю католики «возвели в свя-тые и прославляют теперь для смущения совести нашего православного народа»

[Коялович, 1865а, с. 62]. Схожие взгляды на политическое значение почитания католиками Андрея Боболи и особенно Иосафата Кунцевича были распространены и среди виленской администрации середины 1860-х гг.: они разделялись И.П. Корниловым [ОР РНБ, ф. 629, д. 393, л. 1–3 об.], А.В. Рачинским [ОР РНБ, ф. 523, д. 376, л. 2–4], Н.Н. Новиковым [Савва (Тихомиров), архиепископ, 1901, с. 383–386] и самим генерал-губернатором М.Н. Муравьевым [ОР РГБ, ф. 262, карт. 48, д. 8, л. 14], а позже — К.П. Кауфманом [Долбилов, 2010, с. 332].

В то же время в условиях курса на обрусение Северо-Западного края, проводившегося при М.Н. Муравьеве и его преемниках, среди виленских администраторов утвердилась точка зрения на возможность использования для достижения целей правительства западнорусских православных святынь. В качестве шага в сторону духовного объединения региона с остальной Россией рассматривалась их популяризация при помощи периодической печати и активной издательской деятельности Виленского учебного округа [Котов, 2023, с. 100]. Так, попечитель последнего И.П. Корнилов в циркуляре, содержащем призыв присылать работы о местных святынях в «Западнорусский православный месяцеслов» на 1866 г., указывал, что «святыне, древние памятники православия, находящиеся в разных местах края, послужат красноречивейшим доказательством исконности наших прав на этот край [ОР РНБ, ф. 377, д. 139, л. 2–2 об.]».

В целом к середине 1860-х гг. среди администраторов Северо-Западного края и публицистов, обеспокоенных судьбой православия и русской народности в регионе, утвердилась близкая воззрениям П.Н. Батюшкова и К.С. Сербиновича точка зрения на культы популярных в регионе католических святых как на инструмент направленной против России польско-католической пропаганды. Соответственно, в качестве потенциально полезного для России орудия борьбы за Западный край стали рассматриваться местные православные святыни, что означало открытие «окна возможностей» для сторонников перенесения мощей Евфросинии Полоцкой: попытка полочан вернуть себе останки родной святой теперь полностью отвечала потребностям правительственного курса на русификацию и деполонизацию края. В результате непродолжительный период управления Северо-Западным краем М.Н. Муравьевым, К.П. Кауфманом и Э.Т. Барановым стал временем выдвижения серии инициатив, нацеленных на перенесение мощей полоцкой святой и исходивших как от лиц, причастных к формированию правительственного курса в регионе, так и от рядовых местных энтузиастов.

В 1863 г. обер-прокурору Синода А.П. Ахматову была передана записка Г.Д. Колокольцова — отставного Витебского губернатора, занимавшего свой пост в 1856–1858 гг. Г.Д. Колокольцов еще во время своего пребывания в должности разделял представление о важности утверждения русского облика Западного края: в 1857–1858 гг. он поддерживал издание К.А. Говорским в неофициальной части «Витебских губернских ведомостей» документов, призванных засвидетельствовать исконность православия и русских начал в регионе [Гордей (Щеглов), иерей, 2023, с. 78–79]. Кроме того, он, вероятно всего, был осведомлен о ситуации,

сложившейся вокруг ходатайства 1858 г. о перенесении мощей Евфросинии Полоцкой, которое было составлено полочанами именно в период его губернаторства, хотя сведения о прямой причастности Г.Д. Колокольцова к подготовке прошения отсутствуют.

В записке утверждалась необходимость развития системы женского духовного образования для усиления «русского элемента» в крае: воспитанные соответствующим образом женщины, как полагал бывший губернатор, не будут подвержены польско-католическому влиянию и не станут способствовать его распространению среди своих мужей и сыновей — православных священников. Шагом в сторону достижения данной цели Г.Д. Колокольцов считал создание училища, рассчитанного на 300 воспитанниц, на основе небольшой школы для дочерей священников, существовавшей при Спасо-Евфросиниевском монастыре. Деньги на него предполагалось собрать при помощи перенесения в Полоцк из Киева мощей преподобной Евфросинии. По плану автора записки, игуменья Спасо-Евфросиниевского монастыря должна была во главе депутации направиться в Киев с крестом Евфросинии и, получив там мощи, проследовать с ними обратно в Полоцк. При этом ей надлежало преодолеть все расстояние «не кратчайшим путем, не на почтовых, а чрез многие города и медленным торжественным шествием», чтобы в качестве пожертвований собрать «значительные суммы», которые и пойдут на устройство училища, призванного воспитывать в русском духе девиц духовного звания [ГАРФ, ф. 109, оп. 39, д. 1, л. 5–6].

Нетривиальный проект Г.Д. Колокольцова может быть оценен как попытка одним ударом решить две проблемы, к взаимной выгоде увязав между собой интересы полочан, желавших перенесения мощей Евфросинии из Киева, и правительства, взявшего курс на русификацию западных окраин империи. С одной стороны, его инициатива позволяла представить недавно отвергнутый Киевом замысел не просто как пожелание полочан, но как часть мероприятий, направленных на достижение целей правительства в Северо-Западном крае: тем самым идея перенесения должна была обрести дополнительный вес, а шансы на ее успех — существенно возрасти. С другой стороны, государству проект Г.Д. Колокольцова давал возможность сделать шаг в сторону достижения целей образовательной политики, являвшейся одним из основополагающих элементов оформлявшейся стратегии «мягкой силы» Российской империи на ее западных окраинах [Крот, Завьялова, 2023, с. 893, 901–903], избежав при этом существенных материальных затрат. Тем самым применительно к проекту учреждения в Полоцке училища для девиц духовного звания «закрывался» болезненный для государства вопрос об источниках финансирования, нередко становившийся препятствием для реализации подобного рода инициатив [Крот, Завьялова, 2023, с. 903]. Однако проект Г.Д. Колокольцова постигла та же судьба, что и прошение 1858 г.: обер-прокурор А.П. Ахматов отклонил его со ссылкой на позицию Киевского митрополита [ГАРФ, ф. 109, оп. 39, д. 1, л. 1–1 об.].

В следующем году, 1864-м, имела место новая попытка добиться перенесения мощей. На этот раз прошение было составлено от лица «крестьян Полоцкого

уезда православного исповедания в составе 13 волостей» и «мещанского общества г. Полоцка» и было направлено на имя М.Н. Муравьева, сформированный к тому времени образ которого предполагал, в числе прочего, акцент на покровительстве Виленским генерал-губернатором крестьянству Северо-Западного края, находившемуся под властью помещиков-католиков [Долбилов, 2000, с. 387–390]. «Главного начальника» края просили ходатайствовать перед императором о даровании полочанам возможности «утешаться присутствием заступницы русского народа и веры православной в родном ее городе» [ОР РГБ, ф. 262, карт. 50, д. 3, л. 7]. М.Н. Муравьев к инициативе полочан отнесся благосклонно. Вслед за архиепископом Василием (Лужинским), П.Н. Батюшковым и К.С. Сербиновичем он увидел в перенесении мощей Евфросинии Полоцкой возможность противостоять популярному в Полоцке культу «иезуита Боболю», чье тело, как считал генерал-губернатор, «в настоящее время составляет в руках врагов России и православия могущественное оружие» [ОР РГБ, ф. 262, карт. 48, д. 8, л. 14]. Тем не менее, данное ходатайство не было представлено императору, оставшись забытым вплоть до времен Э.Т. Баранова [Савва (Тихомиров), архиепископ, 1901, с. 712]. Результат инициативы Г.Д. Колокольцова дает основания предполагать, что, наведя справки по вопросу, М.Н. Муравьев должен был отложить дело, не считая возможным добиться успеха в условиях только что подтвержденной А.П. Ахматовым отрицательной реакции Синода, стоявшего на точке зрения Киевских митрополитов.

Потенциальное перенесение мощей Евфросинии Полоцкой фигурировало в перечне мероприятий, предложенных в поданной в 1866 г. в созданную в том же году Ревизионную комиссию по делам римско-католического духовенства записке «Меры к уничтожению римского католичества в Западной России», составленной входившим в состав данной комиссии К.А. Говорским. Издатель «Вестника Западной России», подобно составителям записки «О латинской пропаганде на западе России», считал необходимым пресечь почитание Андрея Боболи в Полоцке. Ему представлялось желательным унести останки католического святого подальше: в данном случае — «в один из монастырей Царства Польского». В то же время для победы над католицизмом следовало «в Полоцк в Спасо-Евфросиниевскую обитель торжественно перенести из Киевских пещер мощи преподобной Евфросинии Полоцкой как в ее собственный дом» [РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 294, л. 30–30 об.]. Новая попытка использовать перенесение мощей полоцкой святой для нивелирования, как считалось, вредоносного для православия и русской народности в регионе влияния культа Андрея Боболи завершилась тем же, что и предшествующие. Занимавший на тот момент Киевскую кафедру митрополит Арсений (Москвин) выступил категорически против перенесения мощей Евфросинии в Полоцк как «страну, еще не довольно в Православии утвержденную» [Долбилов, 2010, с. 336], чем обсуждение вопроса и завершилось.

Последняя в 1860-е гг. попытка добиться перенесения имела место в 1868 г. В начале марта прибывший в Вильну лекарь Полоцкой военной гимназии И.И. Васильев получил возможность представиться генерал-губернатору Э.Т. Баранову и попросил того ходатайствовать о перенесении мощей преподобной Евфросинии из Киева в Полоцк, давно желаемом православными полочанами. Э.Т. Баранов, подтвердив,

что в его канцелярии действительно лежит дело о перенесении реликвии¹, посоветовал И.И. Васильеву узнать, какого мнения на сей счет придерживается митрополит Иосиф (Семашко). Получив ответ последнего, согласно которому «это дело святое и в высшей степени полезное для всего Белорусского края», генерал-губернатор обещал «хлопотать по этому важному делу чрез обер-прокурора Св. Синода» [Савва (Тихомиров), архиепископ, 1901, с. 713].

Тем не менее, встреча И.И. Васильева и Виленского генерал-губернатора состоялась за считанные дни до отставки последнего. На смену не успевшему ничего сделать для исполнения своего обещания Э.Т. Баранову был назначен А.Л. Потапов, который предпочел не предпринимать никаких действий в поддержку ходатайства о перенесении мощей. Через два месяца, в мае 1868 г., о возможности исползовать потенциальное перенесение останков полоцкой святой, чтобы отвратить население от поклонения Андрею Боболе и тем самым «освободиться от влияния Римско-католической пропаганды, постоянно действующей враждебно как в религиозном, так и в политическом отношении», А.Л. Потапову напомнил Витебский губернатор П.П. Косаговский, однако его обращение осталось без внимания [ОР РГБ, ф. 262, карт. 48, д. 8, л. 3–5].

Согласно оценке епископа Саввы (Тихомирова), в 1866 г. сменившего Василия (Лужинского) на Полоцкой кафедре, поведение нового «главного начальника» Северо-Западного края объяснялось его «преданностью полонизму», делавшей напрасными ожидания любых «распоряжений в пользу православия и в ущерб римскому католицизму» [Савва (Тихомиров), архиепископ, 1901, с. 546]. Хотя подобная оценка представляется чрезмерно заостренной, в ней, по-видимому, содержится зерно истины. Вслед за П.Н. Батюшковым, М.Н. Муравьевым и К.А. Говорским А.Л. Потапов воспринимал потенциальное перенесение мощей Евфросинии Полоцкой в первую очередь как акцию, направленную против культа Андрея Боболи, но, в отличие от них, считал противодействие почитанию святого иезуита нежелательным «в том внимании, что имя его пользуется у католиков большим уважением» [ОР РГБ, ф. 262, карт. 48, д. 8, л. 3 об.]. В результате проект перенесения мощей Евфросинии Полоцкой повторил путь другой инициативы, возникшей при М.Н. Муравьеве и не успевшей претвориться в жизнь до отставки Э.Т. Баранова: точно так же, будучи сочтенным оскорбительным для католиков, А.Л. Потаповым был сдан в архив план изъятия из Остробрамской часовни чудотворной иконы Богоматери и помещения ее в общую часовню, где она стала бы совместным достоянием обеих конфессий [Долбилов, 2010, с. 345]. Новый генерал-губернатор, приступивший к демонтажу сложившейся при М.Н. Муравьеве «системы» управления Северо-Западным краем, осуществивший масштабные кадровые перестановки в административном аппарате и сделавший выбор в пользу терпимого отношения к польскому влиянию в регионе [Комзолова, 2005, с. 241–245; Бендин, 2023, с. 127–129], отказался и от поддержки инициатив местных православных энтузиастов, стремившихся к обретению своих святынь. С назначением А.Л. Потапова участие администрации Северо-Западного края в судьбе вопроса

¹ По-видимому, речь идет о деле, заведенном по прошению 1864 г. на имя М.Н. Муравьева.

о перенесении мощей Евфросинии Полоцкой свелось к нулю, а в следующем 1869 г. Витебская губерния была выведена из-под власти Виленского генерал-губернатора. В дальнейшем, вплоть до своего окончательного успеха в 1910 г., представители Полоцкой епархии будут опираться на других покровителей.

В целом ситуация, сложившаяся вокруг идеи перенесения мощей Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк в 1863–1868 гг., дает пример того, как проведение правительственного курса, нацеленного на переустройство Северо-Западного края, открывало новые возможности для достижения собственных целей местными сообществами, чьи инициативы в периоды большей стабильности десятилетиями оставались без поддержки, а сами представители власти проявили готовность использовать низовую инициативу для достижения целей государственной политики. Для стремившихся заполучить свою святыню православных полочан, на чьи чаяния авторы проектов переустройства Западного края начали обращать внимание с конца 1850-х гг., при М.Н. Муравьеве и его ближайших преемниках открылось широкое «окно возможностей»: их желание оказалось полностью созвучно нуждам политики, деятельно проводившейся в это время администрацией Северо-Западного края. Результатом стали ходатайства жителей Полоцка перед М.Н. Муравьевым и Э.Т. Барановым, которые, по-видимому, воспринимались полочанами как потенциальные защитники их интересов перед Синодом и императором. В свою очередь, представители власти (М.Н. Муравьев, Э.Т. Баранов, П.П. Косаговский) и тесно сотрудничавшие с ними местные деятели (К.А. Говорский) поддерживали инициативу, увидев в потенциальном перенесении мощей полоцкой святой противовес популярности Андрея Боболи и, соответственно, возможность нанести удар по польско-католическому влиянию в крае. Наконец, обстановка преобразований в Северо-Западном крае сделала возможным появление таких оригинальных проектов, как представленный Г.Д. Колокольниковым, в рамках которого перенесение святыни в Полоцк ставилось на службу складывавшейся стратегии «мягкой силы» империи.

Тем не менее существовавшая в середине 1860-х гг. возможность была упущена ввиду обстоятельств, изменить которые местным чиновникам было не под силу. Оформившаяся еще в 1830–1850-е гг. позиция Киевских митрополитов, на стороне которых выступал Синод, сделала безрезультатными все обсуждавшиеся в Северо-Западном крае проекты. Назначение А.Л. Потапова и общее изменение правительственной политики в регионе поставили точку в истории сотрудничества полоцких почитателей преподобной Евфросинии и виленских администраторов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бендин А.Ю. М.Н. Муравьев и «потаповщина»: попытка забвения // *Тетради по консерватизму*. 2023. № 4. С. 119–132.

Бендин А.Ю. Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М.: ММО «CIS-ЕМО», ИП Лобанов В.И., Книжный мир, 2017. 416 с.

Георгий (Шавельский), протоиерей. Последнее воссоединение с Православной Церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). СПб.: Типогр. «Сельского Вестника», 1910. 380 с.

Говорский К.А. Канонизация мучителя // *Вестник Западной России*. 1865. Т. 3. Кн. 10. С. 23–28.

Гордей (Щеглов), иерей. Ксенофонт Говорский: на пути к изданию «Вестника Западной России». Витебский период (1856–1861) // *Церковно-исторический альманах «ΧΡΟΝΟΣ»*. 2023. № 11. С. 68–133.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. Оп. 39. Д. 1.

Гумилев Н. Письма Московского и Коломенского митрополита Филарета к Гавриилу, архиепископу Рязанскому и Зарайскому // *Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете*. 1868. Кн. 2. С. 114–207.

Долбилов М.Д. Конструирование образов мятежа: Политика М.Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // *Actio Nova 2000* / под ред. А.И. Филюшкина. М.: Глобус, 2000. С. 338–408.

Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛО, 2010. 1000 с.

Долбилов М.Д., Сталюнас Д. Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи 1840–1873. Вильнюс: Leydykla, 2010. 274 с.

Канонизация Иосафата Кунцевича // *Московские ведомости*. 1864. № 276. С. 2.

Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 383 с.

Котов А.Э. «Система Муравьева» и периодическая печать // *Тетради по консерватизму*. 2023. № 4. С. 96–102.

Коялович М.О. Новые сведения о почитании нового латинского мученика Андрея Боболи // *День*. 1865. № 3. С. 60–62.

Коялович М.О. По поводу сочинения *Cursus vitae et certamen martyrii B. Josaphat Kunczevicii* // *День*. 1865. № 14. С. 318–321.

Крот М.Н., Завьялова О.О. Неконфликтные формы интеграции западных регионов России в позднеимперский период // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 890–905.

Любезников О.А. М.Н. Муравьев и виленские иконы Исаакиевского собора: имперский трансфер сакральных образов? // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2024. Т. 29, № 5. С. 124–136.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М.: РОССПЭН, 2003. 688 с.

Много темных латинских дел... // *Русский инвалид*. 1865. № 184. С. 1.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 262. Карт. 48. Д. 8.

ОР РГБ. Ф. 262. Карт. 50. Д. 3.

- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 52. Д. 29.
 ОР РНБ. Ф. 377. Д. 139.
 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 376.
 ОР РНБ. Ф. 629. Д. 393.
 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 133. Д. 323.
 РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 345.
 РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22832.
 РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 294.
 РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 693.
Савва (Тихомиров), архиепископ. Хроника моей жизни. Т. 3. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1901. 814 с.
 Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Т. 4. М.: Синодальная типография, 1886. 613 с.
Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: НЛО, 2022. 376 с.
Фирсов С.Л. «Якорь спасения». Православная Церковь и Российской государство в эпоху императора Николая I. СПб.: Санкт-Петербургская православная духовная академия, 2021. 464 с.
Duchński F. Historia o pozabianiu Bazilianów w połockiej cerkwi przez Cara Moskiewskiego. Paryż: Drukarnia Benou et Maulde, 1863. 22 s.
 Rodacy! URL: <https://polona.pl/item-view/5712b985-d88d-4a4e-bd51-bb2ba30a0468?page=0> (дата обращения — 02 марта 2026 г.).
 Weeks T. *Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914.* DeKalb, 1996. 199 p.

REFERENCES

- Bendin A.Yu. M.N. Muravyev i «potapovshchina»: попытка zabveniia [M.N. Muravyov and «potapovshchina»: an attempt at oblivion], in *Tetradi po konservatizmu*. 2023. No. 4. Pp. 119–132 (in Russian).
 Bendin A.Yu. *Mikhail Murav'ev-Vilenskij: usmitritel' i reformator Severo-Zapadnogo kraia Rossijskoj imperii* [Mikhail Muravyov-Vilensky: pacifier and reformer of the North-Western region of the Russian Empire]. Moscow: MMO «CIS-EMO», IP Lobanov V.I., Knizhnyj mir Publ., 2017. 416 p. (in Russian).
 Georgij (Shavel'skij), protoierej. *Poslednee vossoedinenie s Pravoslavnoj Tserkov'yu uniatov Belorusskoj eparkhii (1833–1839 g.g.)* [The last reunion with the Orthodox Church of the Uniates of the Belarusian diocese (1833–1839)]. St. Petersburg: Tipogr. «Sel'skogo Vestnika», 1910. 380 p. (in Russian).
 Govorskiy K.A. Kanonizatsiya muchitelya [Canonization of the Tormentor], in *Vestnik Zapadnoy Rossii*. 1865. Vol. 3. Bk. 10. Pp. 23–28 (in Russian).

Gordey (Shcheglov), ierey. Ksenofont Govorskiy: na puti k izdaniyu «Vestnika Zapadnoy Rossii». Vitebskiy period (1856–1861) [Xenophon Govorsky: on the way to publishing the “Vestnik Zapadnoy Rossii”. Vitebsk period (1856–1861)], in *Tserkovno-istoricheskiy al'manakh «KHROSOS»*. 2023. No. 11. Pp. 68–133 (in Russian).

Gumilev N. Pis'ma Moskovskogo i Kolomenskogo mitropolita Filareta k Gavriilu, arhiepiskopu Ryazanskomu i Zarayskomu [Letters from Philaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, to Gabriel, Archbishop of Ryazan and Zaraysk], in *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universitete*. 1868, Vol. 2, Pp. 114–207 (in Russian).

Dolbilov M.D. *Konstruirovaniye obrazov myatezha: Politika M.N. Murav'eva v Litovsko-Beloruskom krae v 1863–1865 gg. kak ob'ekt istoriko-antropologicheskogo analiza* [Constructing images of rebellion: M.N. Muravyov's policy in the Lithuanian-Belarusian region in 1863–1865 as an object of historical and anthropological analysis], in *Actio Nova 2000*. Ed. by A.I. Filyushkin. Moscow: Globus Publ., 2000. Pp. 338–408 (in Russian).

Dolbilov M.D. *Russkij kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian land, foreign faith: Ethno-confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: NLO Publ., 2010. 1000 p. (in Russian).

Dolbilov M.D., Stalyunas D. *Obratnaya uniya: iz istorii otnoshenij mezhdru katolitsizmom i pravoslaviem v Rossijskoj imperii 1840–1873* [Reverse Union: from the history of relations between Catholicism and Orthodoxy in the Russian Empire 1840–1873]. Vilnius: Leydykla Publ., 2010. 274 p. (in Russian).

Kanonizatsiya Iosafata Kuntsevicha [Canonization of Josaphat Kuntsevich], in *Moskovskie vedomosti*. 1864. No. 276. P. 2 (in Russian).

Komzolova A.A. *Politika samodержaviya v Severo-Zapadnom krae v epokhu Velikhikh reform* [Autocracy policy in the Northwestern region in the era of Great Reforms]. Moscow: Nauka, 2005. 383 p. (in Russian).

Kotov A.E. «Sistema Muravyeva» i periodicheskaya pechat' ["Muravyov's System" and the periodical press], in *Tetradi po konservatizmu*. 2023. No. 4. Pp. 96–102 (in Russian).

Koyalovich M.O. Novye svedeniya o pochitanii novogo latinskogo muchenika Andrey a Boboli [New information about the veneration of the new Latin martyr Andrew Bobola], in *Den'*. 1865. No. 3. Pp. 60–62 (in Russian).

Koyalovich M.O. Po povodu sochineniya *Cursus vitae et certamen martyrii B. Josaphat Kuncevicii* [Regarding the work *Cursus vitae et certamen martyrii B. Josaphat Kuncevicii*], in *Den'*. 1865. No. 14. Pp. 318–321 (in Russian).

Krot M.N., Zavalova O.O. Nekonfliktnye formy integratsii zapadnykh regionov Rossii v pozdneimperskiy period [Non-conflict forms of integration of the western regions of Russia in the late imperial period], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorika*. 2023. Vol. 68. Iss. 4. Pp. 890–905 (in Russian).

Lyubeznikov O.A. M.N. Muravyev i vilenskie ikony Isaakievskogo sobora: imperskiy transfer sakral'nykh obrazov? [M.N. Muravyov and the Vilna icons of St. Isaac's Cathedral: imperial transfer of sacred images?], in *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo*

- universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2024. Vol. 29. No. 5, Pp. 124–136 (in Russian).
- Milyutin D.A. *Vospominaniya. 1863–1864* [Memoirs. 1863–1864]. Moscow: ROSSPEN, 2003. 688 p. (in Russian).
- Mnogo temnykh latinskikh del... [Many dark Latin deeds...], in *Russkiy invalid*. 1865. No. 184. P. 1 (in Russian).
- Manuscript Department of Russian State Library (MD RSL). F. 262. Inv. 48. D. 8.
MD RSL. F. 262. Inv. 50. D. 3.
- Manuscript Department of Russian National Library (MD RNL). F. 52. D. 29.
MD RNL. F. 377. D. 139.
MD RNL. F. 523. D. 376.
MD RNL. F. 629. D. 393.
- Russian State Historical Archive (RSHA). F. 796. Inv. 133. D. 323.
RSHA. F. 796. Inv. 205. D. 345.
RSHA. Ф. 797. Inv. 6. D. 22832.
RSHA. Ф. 821. Inv. 125. D. 294.
RSHA. Ф. 834. Inv. 4. D. 693.
- Savva (Tikhomirov), arhiiepiskop. *Khronika moey zhizni* [Chronicle of my life]. Vol. 3. Sergiev Posad: Tipografiya Sv.-Tr. Sergievoy Lavry, 1901. 814 p. (in Russian).
- Sobranie mnenii i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo* [Collection of opinions and reviews of Philaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna]. Vol. 4. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1886. 613 p. (in Russian).
- Staliunas D. *Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossijskoj imperii* [Poland or Rus'? Lithuania as part of the Russian Empire]. Moscow: NLO Publ., 2022. 376 p. (in Russian).
- State archive of the Russian Federation (GA RF). F. 109. Inv. 39. D. 1.
- Firsov S.L. «Yakor' spaseniya». *Pravoslavnaya Tserkov' i Rossijskoe gosudarstvo v epokhu imperatora Nikolaya I* ["Anchor of Salvation". The Orthodox Church and the Russian State in the era of Emperor Nicholas I]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskaya pravoslavnaya duhovnaya akademiya, 2021. 464 p. (in Russian).
- Duchiński F. *Historia o pozabianiu Bazilianów w połockiej cerkwi przez Cara Moskiewskiego* [History of the killing of Basilians in the Polotsk church by the Moscow Tsar]. Paris: Drukarnia Benou et Maulde, 1863. 22 p. (in Polish).
- Rodacy!* Available at: <https://polona.pl/item-view/5712b985-d88d-4a4e-bd51-bb2ba30a0468?page=0> (accessed 2 March 2026).
- Weeks T. *Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. DeKalb, 1996. 199 p.

Статья принята к публикации 15.05.2026